

Саймон был вполне преуспевающим молодым человеком. Жизненная энергия так и била в нем ключом, шеф им восхищался, коллеги по отделу статистики потихоньку ему завидовали. Никто не сомневался, что ему сулило большое будущее, многие ему прочили в скором времени кресло начальника отдела статистики. Каждый вечер пятницы он проводил с миловидной подружкой Кети, на выходных они ездили на пикник и жарили шашлыки. Это был воистину достойнейший образец среднего бюргера. Был. Но однажды его жизнь перевернулась.

Вряд ли то, что произошло с Саймоном, можно назвать случайностью. Пусть даже это так. Человека в главной мере характеризуют не происходящая с ним череда событий, а то, как он реагирует на происходящее. Реакцию Саймона сложно было назвать просто случайностью.

Казалось, жизни Саймона можно только позавидовать — он легко достигал вершин, воистину ему сияла счастливая обывательская звезда. Однако, сам

Саймон почему-то был не счастлив. И не мог понять, в чем крылась причина его внутренней тоски. Тщетно он бродил по дорогам заброшенного сквера, а ночью выходил на крышу и долгими часами глядел на луну. Он ждал. Но не знал, чего он ждет. В его душе жила страсть ко всему экзотическому. Однако, верхом экзотики для него был кришнаитский ресторан на углу, куда он частенько пытался вытащить непонимающую Кэти, чайный дом и китайская стряпня в перерывах между работой. Летом он съездил на Ниагару, совершил путешествие по тропическим дождевым лесам, а осенью так и не добрался до Лхасы по причине извержения какого-то вулкана с непроизносимым названием, из-за которого все рейсы были заморожены.

Жизнь предоставила Саймону все шансы и у него не было никаких мотивов бежать из окружающего его мира. Жизнь была очень хороша, но немного пресновата — не хватало какой-то пряности, чтоб придать ей насыщенность оттенков и собственный неповторимый аромат.

Итак, однажды — как принято начинать разные истории — воскресным утром Саймон шел в задумчивости по мощеной дороге одного из переулков, на него глазели ценниками зазывающие витрины. Но Саймон не замечал эту повседневную обыденность. Он думал по обыкновению прогуляться в маленьком сквере.

Внезапно его словно ударил легкий электрический разряд. Он не сразу сообразил, что это было. Боковым зрением он заметил на улице что-то необычное, чего здесь раньше не было, но уже прошел мимо. Саймон в нерешительности остановился и вернулся назад.

Пройдя несколько шагов он заметил наспех наклеенную табличку в кричащих цветах на стене «Мир на потолке». Черная табличка была щедро украшена неоновыми зигзагами и прочими орнаментами, которые никогда бы не пришли в спокойную обывательскую голову. Рядом с табличкой находилась такая же чудная дверь — черная, разрисованная неоновыми летающими тарелками, пришельцами, медузами и фиолетово-лиловыми слонами с желтыми слезами на глазах. Недолго раздумывая, Саймон открыл дверь и шагнул внутрь.

Черная дверь захлопнулась за его спиной

Мягкие утренние лучи пробивались сквозь кремовые занавески. Сквозняк протянулся по полу, слегка пошелестел листами старой газеты, пробежался по страницам раскрытой книги. Саймон очутился в маленьком помещении, часть которого занимал стол. За столом сидел непричесанный и небритый молодой человек примерно его возраста и рисовал прозрачными чернилами по белой бумаге. Слипшиеся длинные волосы падали ему на лицо, на нем была дешевая куртка, джинсы и сандалии. Он был полностью поглощен своим странным времяпрепровождением. Несколько секунд Саймон глядел на него соображая, зачем он сюда пришел.

— Могу я поинтересоваться, чем вы занимаетесь, — спросил осторожно Саймон

— Рисую, — спокойно ответил парень, как будто бы речь шла вполне о естественной банальной вещи

— Но... ничего ведь не видно, — удивленно начал Саймон

— Если ВАМ ничего не видно, это не значит, что здесь ничего нет. Понимаете, о чем я?

Саймон не стал спорить и кивнул

— Я занимаюсь тем, — продолжил парень, — что создаю миры на потолке. Прихожу к вам домой и рисую мир. Вот этими чернилами

Он указал на пол, где стояли с десяток прозрачных баллончиков, каждый из которых был подписан — фиолетовый, зеленый, желтый, оранжевый...

— И, конечно же, их никто кроме вас не видит, — начал иронизировать Саймон

— Смотря когда

Вспомнив неоновую вывеску, Саймон сообразил

— Подождите, вы ведь рисуете люминофорными чернилами, так? Днем ничего не заметно, а с наступлением темноты они проступают

— Не совсем. Они проступают, когда вы засыпаете

— Это как так?

— Очень просто. Вы начинаете видеть ваш мир, когда засыпаете. Во все остальное время он невидим — абсолютно привычные стены и потолок. А стоит вам заснуть — на них проступают удивительные картины далекого мира

Парень оторвался от своего листа и поглядел Саймону в глаза

— Понимаете... ваши сны наполняются идеями, ваша жизнь обретает новые смыслы, ваш мир расширяется, вы видите новые грани... Вы когда-нибудь задумывались о том, что такое сон? Для многих это — маленькая смерть, миг между ночью и утром, между «до завтра, дорогая» и раздражающим звоном будильника... я же могу заполнить ваш сон тающими гротесками планет Сириуса, зеленеющими джунглями и поющими кратерами Сигмы в едкой туманности Гху, вулканическими реками и пепельными цветами... или перенести вас в подводное царство, где живут актинии и гигантские мыслящие осьминоги...

— Так-так-так, — Саймон скептически сощурил глаза и поглядел на паренька. Похоже, парень был явно не в себе. Саймона насторожил слегка фанатичный взгляд его блестящих чуть слезящихся прикрытых глаз. Видимо, объяснение происходящему довольно простое — он столкнулся очередным чокнутым хиппи-художником

— И сколько же стоит подобное «чудо»? — спросил с ухмылкой Саймон

— Это вам решать. Сегодня я возьму лишь предоплату — 120 зеленых — маленькая благодарность за мой труд. Этого хватит, чтобы купить чего-нибудь съедобного и где-то переночевать. А дальше... решите сами. Если новый мир вам понравится — внесете еще.

— А что, если мне вдруг не приснится никакой мир? — Саймон начал ехидничать, — или всю ночь меня будут мучать кошмары

— Тогда я вам верну ваши 120. Но, поверьте, он вам приснится. Иначе и быть не может

Дверь за спиной Саймона распахнулась и внутрь заглянули две черноглазые девушки азиатской наружности, что-то обсуждая на своем языке и хохоча. Обе были одеты в темно-зеленые длинные халаты, одна несла прикрытую крышкой тарелку

— Сестры Ли! — художник поднял глаза, — рад что заглянули

— Принесли твой завтрак, — сказала одна из девушек и приоткрыла крышку тарелки, где было что-то наподобии спагетти в зеленом соусе, — иначе забудешь поесть

Затем обернувшись к Саймону, девушка застенчиво пожала плечами, дескать, ну вот такие уж они, художники эти...

— Ты хоть причешишься, что ли, Джуд — она бросила на ходу

— Успею, — отозвался художник

— А люминофоры ничего, не правда ли? — девушка повернулась к Саймону, кокетливо опуская глаза. Затем продолжила щебетать с сестрой на своем наречии и скоро они покинули маленькую комнатушку, унося с собой живой восточный ветер «Значит, все-таки люминофоры...» — подумал Саймон, — «тогда все понятно. Что ж, это очень недурно, когда комната преобразается в темноте»

— По рукам, — сказал Саймон художнику, — когда приступите?

— Да хоть сейчас, — тот, кого называли Джуд, пожал плечами

— Пошли. Мой дом недалеко.

Саймон сам себе искренне удивился — почему он согласился. Парень мог оказаться обычным мелким воришкой — стоило бы Саймону отвернуться — так тот бы незамедлил стащить что-то ценное. С другой стороны — Кэти уехала к тетушке за океан, воскресный вечер пришлось бы коротать одному. А так хоть какое-то разнообразие. И, конечно же, черт возьми, хочется перемен! Почему бы не начать с собственного потолка?

Очутившись дома у Саймона, парень сделал несколько кругов взад-вперед по комнате, словно медитируя, затем достал прозрачные баллончики, складную лестницу и начал что-то очень старательно выводить невидимыми чернилами на потолке и на верхней части стен

— А что это будет в конечном итоге? — полюбопытствовал Саймон

— Увидите. Все увидите сами

— Ну а все-таки... есть какой-нибудь проект?

— Нет. Это рождается спонтанно

Саймон пожал плечами

— Ну а прямо сейчас.. что вы рисуете? Океан? Другие планеты

— Заканчиваю черно-оранжевое шоссе. Здесь будет все

— Не сомневаюсь

Саймон открыл ноутбук, просматривая накопившуюся почту и изредка поглядывая на художника. Затем разогрел в микроволновке рис с замороженными овощами — обед холостяка, и развалился с ноутбуком на диване, запивая еду холодной кока-колой.

Художник продолжал трудиться и бубнить себе что-то под нос

— Скажи, приятель, у тебя линзы, да? Ты-то сам видишь, чего ты рисуешь?

— Линзы... да, пожалуй, линзы.. в какой-то степени

Несколько минут они провели в тишине — двое, примерно одного возраста. Один — преуспевающий специалист в области статистики и айти-технологий, а другой — нищий художник

— Так значит, ты рисуешь мне целый мир, — в задумчивости проговорил Саймон, просматривая почту

— Да. Но это будет ВАШ мир, — ответил художник, словно почти не реагируя на Саймона.

— Что ж, поглядим

— Только есть одна маленькая предосторожность... хотя... вряд ли она поможет. Попробуйте не встретить в нем самого себя. Там эта встреча может быть роковой. А еще не позволяйте ему слезть с вашего потолка и вылезти в реальность. Это ловушка

— Обязательно

— Не иронизируйте. Потом все поймете

— Не сомневаюсь

Через несколько часов художник закончил свои старания, собрал баллончики и ушел. Саймон по доброте душевной угостил его рисом и кока-колой. Уже начинало смеркаться. Саймон не мог себе объяснить, почему, но он верил в то, что художник не был просто мошенником, который разыграл все это шоу ради 120 зеленых. Наверное, интуиция. Саймон нетерпеливо ждал, когда же стемнеет, чтобы проверить свою интуицию.

Когда сгустились ночные сумерки, Саймон зажег свет. В душе просыпалось какое-то лихорадочное беспокойство. Вот сейчас он погасит лампу... что будет? Появится ли мир на потолке? Или он окажется все в той же привычной темноте, что вчера и позавчера, и год назад... Изменится ли хоть что-то? Случится ли маленькое чудо?

В нетерпении Саймон выключил свет.

Привычная темная комната. Обманули, значит! Фигу вам, а не люминофоры. Ладно.. завтра Саймон его разыщет и сдерет с него эти 120 зеленых... хотя. Да бог с ним, зарабатывает как может. Это он, Саймон.. купился как ребенок! Это же надо было! Обратился бы лучше в какую-то фирму, занимающуюся люминофорами. А так.. чего он хотел? Хорошо хоть, паренек вроде ничего не украл. И на том спасибо.

Тогда он допил кока-колу и закусил ее ментосом, но и там не оказалось ни мяты ни эвкалипта. А ментол он и в африке ментол. Все обманщики. А наобещают-то в рекламе...

Затем принял душ и удобно устроился на диване. Через какое-то время он почувствовал, что задремывает...

Саймон не знал, сколько прошло времени. Долго он дремал или нет. И дремал ли вообще. Он лежал на диване и чувствовал, что что-то не так. Он не мог объяснить это странное ощущение. Все вроде как обычно. Воскресение. Беззвездная ночь. Но в воздухе витало что-то странное. Как будто бы в комнате кто-то прятался. Какое-то время Саймон глядел на прозрачный стакан в лучах луны, вода в нем казалась какой-то слишком тонкой, словно наполненной таинственным лунным чародейством. Странное ощущение присутствия накатывало волнами.

В какую-то минуту Саймон почувствовал, что пространство вокруг него начало оживать... словно он стал случайным свидетелем того, что происходит с миром, когда мы его не видим, когда все тени и ночные порождения вылезают из своих потайных углов, где они днем прячутся от наших глаз и начинают свой ночной пир. Мир задребезжал, словно мираж, лучи луны облизиывали прозрачный стакан, заставляя его изгибаться и удлиняться, он словно купался в них, наслаждаясь. Воздух перестал быть воздухом, а превратился в какой-то рельефный и нитчатый эфир, звуки с улицы и редкий вой сирены доносились как из-под толщи воды. Комната начала жить собственной жизнью. Предметы то придвигались, то удалялись, по полу шли волны. А на потолке один за одним начали проступать красочные сюжеты чужого мира...

Так значит, парнишка не обманул его... оно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** существует...

Новый мир выскочил перед ним так внезапно, словно чертик из шкатулки

Перед ним на мили и мили расстиралось рыжее обжигающее шоссе с черными пятнами, из которого щупальцами гидры выросли повороты. Новые витки стремительно возникали перед Саймоном, шоссе то поднималось коброй, то резко падало по собственной прихоти, словно американские горки, оно сворачивалось в мертвые петли и легко гнулось, словно пластилин. Из его черных пятен-люков то и дело показывались желтые хищные глаза, а иногда и языки, ловящие кишащих над шоссе москитов и зазевавшихся машин

Чернота по бокам шоссе сменялась холмами — гигантскими кусками сыра с дырочками, среди которых прогуливались парочки в вечернем туалете с бокалами шампанского. В сырных дырочках копались глазохвостатые мыши, падал легкий снег из корицы.

Потолок втягивал Саймона в себя окончательно и бесповоротно, скольжение усиливалось, гонка ускорялась, обжигая щеки Саймона стремительной коричневой лихорадкой.

Светящиеся сырными холмами в полной темноте иногда чередовались с озерами, наполненными кипящим сиропом, из которых поднимались перевернутые темно-гранатовые капли. Да, черт возьми, в этом мире даже сила тяжести сошла с ума!

В какую-то секунду шоссе под Саймоном потухло и Саймон на полной скорости угодил в один из сырных холмов

Бродящие вокруг парочки расступились, женщины с прическами-синими арбузами на головах проронили на выдохе долгое «оооохх», послышалось недовольное шушукание «вот воспитание, что за манеры...», недовольные взгляды, театральное опускание ресниц, настолько длинных, что на них оставались капли шампанского, стоило дамам сделать глоток из бокалов. Саймон аккуратно поднялся и оглядел флуоресцентный мир. Перед ним расстиралась огромная сырная долина с дырочками-кратерами, из которых выросли зигзагообразные чихающие пальмы, присыпанные ванильным снегом, иногда мимо него проходили дамочки в вечерних туалетах с арбузами на головах, вокруг лежали озера из сияющей розово-зеленой несмешивающейся пластилиновой жидкости — если к ней прикоснуться, она еще долго тянулась за рукой и сплеталась в удивительные формы. По берегам озер из кремово-шафранного песка росли мечтающие фиолетовые грибомедузы, под тентами лежали симпатичные креолки, загорающие под звездами

— Черт возьми, — в конец выдохнул Саймон, — это же... черт побери, я сошел с ума

Над головой Саймона просвистела летающая тарелка и врезалась в сырный холм. Несколько секунд она кряхтела, пыхла, но так и не смогла вылезти — приехали розовые жирафы-экскаваторы с огромными вращающимися глазами и начали ее вытаскивать.

А над головой в ночной черноте сияла мягким голубым светом гигантская луна, точнее, как присмотрелся позже Саймон, оставленная им некогда планета Земля

— Где я, черт возьми, — выкрикнул Саймон

— Не кричите вы так, — сказал полицейский в шляпе танцора танго, за ухом у которого была пришпилена полиэтиленовая гвоздика, — новое сыротрясение нам ни к чему

Через секунду из летающей тарелки донесся женский писк и вскоре показалась ее хозяйка

— А я-то тут причем? Опять торгоши надули меня с антигравием! Да-да, штраф платить не буду, не надейтесь! Вот он заплатит, — девушка кивнула на Саймона

Длинные пушистые ярко красные волосы спадали по ее плечам змеями-ручейками, из одежды на ней был лишь пятнистый купальник, длинные полосатые чулки и темные очки в волосах. Она глядела на Саймона огромными радужными глазами и сладко улыбалась

— Сюзи, на этот раз ты так просто не отвертись, — сказал танго-полицейский и попытался изобразить недовольство, шевельнув ушами и полиэтиленовой гвоздикой

— Вот как? — вызывающе кинула девушка, подходя к Саймону

Она шла как мираж, как наваждение, гигантские томные радужные глаза поглотили Саймона и приковали к себе с одного раза

— Сюзи как всегда в своем стиле, — пробормотал другой полицейский

— Плати штраф

— Не заплачу

— Заплатишь

— Вот как? Посмотрим, — выкрикнула Сюзи и шепнула на ухо Саймону, хватая его за руку — держись

С этими словами она нагнулась, схватилась за сырную поверхность земли, подняла ее и встряхнула как одеяло.

Из-под сырного мира показался новый мир, в который они и шагнули.

...Черная романтическая ночь в чуть зеленоватом соль-миноре с легкой тархунной горечью.

Под фиолетовой луной и звездами, свисающими на ниточках с неба, по каркасным крышам бродили кошки с длинными жирафьими шеями. Они мурлыкали свои серенаты друг другу и поздней весне. Их шеи иногда завязывались в узлы и переплетались между собой. В тусклом лунном свете перекошенные дома и мусорные свалки утопали в гроздях полуночной сирени, пахнущей романтикой запоздалого мая

Саймон и Сюзи брели по тропинке, взявшись за руки, им светили звезды и о них шептали ночные тени. Из прудов доносилось меланхолическое кваканье лягушек, отдающее томной сладостью уже не первой, но любви. Никогда еще Саймон себя не чувствовал настолько счастливым и влюбленным. Тропинка пролежала в живописном месте — они минули кладбище и нефтеперерабатывающий завод, теперь по левую сторону задумчиво и протяжно блестели металлические иглы колючей проволоки. На поверхности дремных озер, подернутых легкой рябью, лунные лилии переплетались с консервными банками.

— Сюзи, я не могу больше молчать, — начал порывисто Саймон

— Не молчи, — сказала Сюзи, смущенно опуская длинные ресницы — скажи же наконец, сколько еще я буду слушать твои охи-вздохи?

Саймон засмущался и облизнул губы, словно юнец

— Скажи мне, наконец-то, что черт возьми здесь происходит? Где я?

— На потолке

— Как я сюда попал?

— А не все ли равно, милый? Ты счастлив со мной?

— Ты еще спрашиваешь... это самая счастливая и безумная ночь в моей жизни

Перед ними бурлила река из шампанского, глядящая на них глазами-пузырьками, в которых отображались тысячи Сюзи и Саймонов. Из своих надежд и максимализма запоздалой юности Саймон смастерил каноэ и они понеслись среди шахматных полей вниз по зеленой реке. В лучах луны лишь виднелся темный силуэт Саймона, стоящий с одним веслом и поющий «О соли-мио», временами доносился вкрадчивый шепот Сюзи:

— Я это ты. Ты это я. И так будет навсегда...

Саймон лежал с широко раскрытыми глазами, глядя в потолок. Он не помнил, сколько уже так лежит — то ли секунду, то ли вечность. В комнату через занавески белесыми клубами проникало позднее утро. Саймон чувствовал, что секунду назад перед ним словно захлопнулась какая-то дверь, что что-то произошло, и что-то очень важное, но он никак не мог вспомнить, что же это было. Он чертыхнулся и приподнялся на локте. В голове зашумело, несколько секунд он ничего не видел и не слышал, перед глазамиплыли яркие звездочки и слышался монотонный гул — стук сердца в висках. Периодически вспыхивали обрывки миражей цветного сна, несколько минут от тшетно силился вспомнить, что же с ним произошло несколько мгновений назад, затем встал пошатываясь и приготовил себе яичницу. Есть не хотелось, он чувствовал себя так, словно всю ночь его вращали в центрифуге. С какой-то особой жадностью он начал цепляться за окружающие его мелочи, словно за привычные островки разума — внимательно проглядел инструкцию к микроволновке, даже включил радио, умылся холодной водой, но это его не взбодрило. Несколько раз он искренне пожалел о том, что съел свою яичницу. Руки его слегка тряслись, он чувствовал жжение в веках и иногда быстрое бесконтрольное движение глаз. Дыхание участилось. Он осознавал, что пребывает в абсолютном шоке, что перегородка, отделяющая его от произошедшего, скорее напоминает плотину, защитную реакцию, которая вот-вот прорвется и мало не покажется... Словно натянутая струна, которую невидимый музыкант вот-вот отпустит, словно граната, которая только ждет своего часа, чтобы разорваться... но пока этого не случилось, мир прибывал в оцепенении

Саймон приехал на работу с опозданием, сославшись на простуду, давление, погоду и прочие приятности этого мира. Работал он вдумчиво и сосредоточенно, мешало лишь постоянное жжение в веках и периодически слезящиеся глаза. Разум пытался уцепиться за спасительные знакомые рабочие нотки, Саймон даже несколько раз пошутил, угостил в перерыве приятелей кофе с корицей. В какой-то момент он оставил друзей и заперся в уборной, его охватил приступ лихорадочного смеха.

Весь мир был словно в тумане. То, что произошло этой ночью, не могло органично вписаться в его жизнь, его преследовало чувство, что вот-вот он проснется и все встанет на свои места. Он даже попробовал проверить окружающую действительность на вшивость. Затем забыл обо всем, поглощенный работой, вдумчивый, особенно скрупулезный, потерянный, отсутствующий. Разум по-прежнему старался всеми силами отгородиться от того, что произошло ночью, не выпустить что-то такое, что могло вы свести его с ума

— Ээй, — старый приятель Билли несколько раз провел рукой у него перед глазами, — Саймон, очнись. Да что с тобой такое. Вредно по столько работать

— А.. что? — Саймон подскочил на кресле, — что происходит, Билли?

— Это мне интересно, что у тебя происходит. Я уже третий раз тебя окликаю. Ты мне так и не сделал копию базы за прошлый месяц. Мне кажется, тебе пора в отпуск...

— Я просто немного переутомился

— Не то слово. Ты сегодня бледный как смерть, — пробормотал с участием Билли

— Я бы даже сказала — зеленый, глаза ввалились, нервный — подхватила толстушка-Трэиси из своего угла и поправила большие нелепые бусы, — Саймон, что же ты с собой делаешь — так сгоришь на работе. Отдыхать надо.

Саймон кивнул. А что он еще мог им сказать? Для начала надо было проснуться. Наверняка завтра уже все пройдет

Но ни завтра, ни послезавтра это не прошло. Каждую ночь на потолке Саймона неизменно проявлялся грезящий люминофорный мир, стоило только ему задремать. Вновь и вновь они бродили с Сюзи то по забытым тропам, ведущим в старинные легенды, то по морскому дну среди обжигающих актиний, то купались в облаках зеленого звездного газа. Они искренне любили друг друга, им светили фиолетовые звезды наваждения. Иногда это фантастическое ощущение метаморфозы возвращалось к нему в течение дня, словно круги на воде.

В какой-то момент здравый смысл вернулся к Саймону — он не на шутку перепугался, решив, что паренек из лавки добавил в краски какой-то галлюциноген. Он еще раз вернулся в то место, где в воскресенье находилась странная дверь. Сейчас там была ничем не приметная нотариальная контора. Оказалось — хозяин сдает площадь для офисов-однодневок и всех, кому срочно нужно помещение на денек-другой. Ни о каком художнике он и знать не знал. Из какой азиатской забегаловки взялись милые сестры Ли, для Саймона так и осталось загадкой

Тогда он обратился в полицию и сдал образец красок на экспертизу, полиция тщательным образом проверила его квартиру. Ответ от экспертизы последовал достаточно скоро, причем, почему-то именно такой ответ Саймон и ожидал в душе. Никакого люминисцентного вещества в красках обнаружено не было, галлюциногенов тем более. Всего лишь вода и крахмальный клейстер.

Саймону в мягкой форме порекомендовали обратиться к психоаналитику и взять отпуск.

А между тем безумные сюжеты на потолке возвращались из ночи в ночь.

Тогда Саймон устроил ряд проверок. Перед тем как сознаться себе в том, что он сошел с ума, имело смысл кое-чего проверить — возможно, всему найдется простое логичное объяснение.

Однажды он пригласил к себе Кэти, они провели довольно милый вечер, хотя Кэти сразу заметила его отрешенность и странный блеск в глазах

— Ты меня слушаешь, — спросила девушка и надула губы, когда в очередной раз поймала отсутствующий взгляд Саймона

— Конечно, милая

Он прижал Кэти к себе и погладил ее по золотистым волосам. При этом в душе возникло довольно странное смешанное чувство — он обманщик, прижимает к себе белокурую девушку, хотя в душе влюблен в другую — в порождение иллюзорного мира.

— Кэти, котенок.. если этой ночью тебе приснится что-то необычное... расскажи мне утром, хорошо? — сказал он, засыпая с ней в обнимку

Она кивнула и засопела носом, уткнувшись в подушку

Саймон потерял счет времени... он лежал и наблюдал, как мир снова начал свою привычную ночную метаморфозу и на потолке оживал оазис красочных миражей

— Выпей чайную ложечку зеленой дремы, — шептала ему с потолка потрясающая Сюзи с радужными глазами, — окупись в черное озеро мятной свежести

Спрутами выползали неоновые краски, их сияние наполняло Саймона невыразимым чувством жизни

— Это же мираж.. — шептал Саймон, — иллюзия

— Все мысли материальны... все иллюзии, которые когда-то видел один, обретают жизнь в своем мире.. однажды они приснятся кому-то еще

— Кэти, — Саймон толкнул девушку вбок, — Кэти, проснись

Но Кэти не шевелилась, она лежала отвернувшись, уткнувшись лицом в подушку

Тогда Саймон перевернул ее на спину. И вскрикнул

Волосы впелись швами в ее лицо, одеяло превратилось в кокон, щеки покрылись густой слизью, а глаза были заштопаны ниткой... она стала куколкой, из которой должна была вылететь бабочка... и, что самое ужасное, заплатанный рот криво

улыбался. На ее щеках, заклеенных пластырем крест-накрест словно шевелилась какая-то мелкая живность. Он пытался оттолкнуть ее от себя, но она стала слишком тяжелой, тогда он толкнул сильнее, кровать с полом разъехалась на две части и мумия Кэти свалилась в щель в полу, ведущую в бездну... Саймон отскочил в угол, зажмурился, но продолжал видеть мир на потолке сквозь закрытые веки. По полу поползли много маленьких глазастых ножниц, прогрызая его, словно мыши и оставляя щели в бездонный низ, куда вели лестницы с миллионом перекошенных кривых стеклянных ступенек, каждая из которых звучала заунывным бледно-голубоватым светом как расстроенный камертон. Из дыр в полу начали высовываться бледные губы Кэти на тонких стебельках, словно прожекторы. А вокруг — ножницы, ножницы... Он сжался в комок, глядя на потолок... в какую-то секунду пол и потолок поменялись местами и он начал падать в мир кричащих красок, безумства и фантазмагии

Саймон проснулся словно от электрошока, на лбу выступил холодный пот
— Боже мой, что с тобой такое? — пробормотала Кэти, просыпаясь
— Ты жива! — воскликнул Саймон... — ты не провалилась в пол...
— Куда, — глаза Кэти расширились
— Скажи мне, ведь это ты, правда?
Девушка мигая глядела на него
— Да, прав был Билли, когда сказал, что с тобой начали твориться странные вещи. Ты пьян?
— Если бы... я трезвее священника на проповеди
— Так что же с тобой происходит?
— Если бы я только знал... Но оно происходит... это я точно знаю. Кэти, скажи, что тебе сегодня снилось?
— Ммм.. не помню. Как обычно... тетя, круговерть, ерунда всякая...
— Кэти, — он сжал девушку за плечи, — ты видела _ЭТО_?
— Что.. _ЭТО_?
— Мир.. мир на потолке
— Саймон... прости, конечно, но ты рехнулся. Уж не знаю, что явилось этому причиной и боюсь гадать. Тебе стоит обратиться к психиатру
— Думаешь?
— Хотя... Саймон, скажи мне правду. У тебя появился кто-то еще? И теперь ты ломаешь эту комедию, строишь из себя психа, чтобы только не объясняться со мной. Как ее зовут? Где ты ее нашел?
На глазах Кэти выступили слезы
— Я тебя ненавижу! Ты трус. Ты не можешь признаться мне честно. Я же сразу поняла... ты был так безучастен ко мне, ты меня почти не слушал..
«Девушки.. никогда их не понимал...» — подумал Саймон, — «вот уж воистину удивительная логика, точнее, полное ее отсутствие»
— Как ее зовут?
Саймон помолчал
— Сюзи
— Так-то лучше. Кто она?
— Она Сюзи. Просто Сюзи
— Откуда она взялась?
— В ту ночь она прилетела на летающей тарелке.
— Да чего ты такое несешь?
— У нее удивительные черно-красные волосы и гигантские глаза цвета радуги... я люблю ее, но не могу добраться, поскольку она живет на потолке. Ты это хотела услышать?
В ответ он получил пощечину
Кэти наспех оделась и выскочила из его квартиры, громко хлопнув дверью.

Саймон даже не опоздал на работу, включил компьютер и начал перебирать завал писем. Он потерял всякий интерес к работе и ко всему, что происходило вокруг. После диких красок ночи происходящее казалось ему чудовищно блеклым и бесполезным, хотелось его скомкать и выкинуть в мусорную корзину. Яркие переживания словно пожирали его, он похудел, перестал есть. А если что-то пихал в себя через силу — проводил долгое время в уборной
— Саймон, ты стал похож на зомби. У тебя какие-то проблемы? Ходишь по коридору шатаясь, еще немного и я увижу тебя идущим с протянутыми вперед руками, — как-то сказал ему начальник, Шон Баррет, — расскажи мне, старина, что с тобой происходит. Женщина?
— Пожалуй..
— Может, дать тебе отпуск?
— Пока нет.. но скоро может понадобиться, — подумал Саймон.
«Вам всем не понять... я чувствую, как оно полностью меня захватывает... я боюсь его.. и желаю его до безумия... как я могу работать, когда я только о нем и думаю.. о моем мире на потолке. Это уже одержимость... Я знаю... как с этим жить дальше?» Саймон вернулся к работе, пытаясь заставить себя сконцентрироваться хоть на чем-то. Наигранно улыбнулся коллегам и перебрался с ними несколькими фразами
Немного они поработали в тишине, затем Билли положил ножницы ему на стол. Саймон отшатнулся
— Что это?
— Как что? Твои ножницы. Возвращаю.
Ножницы лежали на столе и глядели на Саймона единственным глазом-винтиком, словно циклоп.
— Забери их, — пробормотал Саймон
— Что ты сказал?
— А.. нет, нет, ничего.
— Боишься ножниц, — пробормотала толстушка-Трэйси, — да, слышала, бывает такая детская фобия....
— Да что ты понимаешь, — огрызнулся Саймон.
— Старик, я же вижу — у тебя чего-то произошло
— Просто не выспался. Завтра все пройдет.
«Как же со мной это произошло? Так внезапно, ошеломительно, безумно... какой-то феерический бред. Как же я смог влипнуть в такую историю — если бы кто-то обо мне такое рассказал — его бы подняли на смех... Что теперь со мной будет? Да... вот что случается с теми, кто путешествует в другие миры на потолке... и это только начало...»

Саймон снял номер в отеле. Ночные грезы прекратились — они остались где-то там, у него на потолке. Впервые за все эти ночи Саймон нормально выспался — он вышел на работу веселым, жизнерадостным и отдохнувшим, друзья заметили в нем перемену к лучшему. Все возвращалось на круги своя. Лишь иногда в полудреме к нему возвращались словно круги на воде дурманяще-яркие миражи, наполняющие его сердце безграничной тоской. Ему казалось, что он распадается на куски, что его словно заморозили в жидком азоте, а потом толкнули и он со звоном разбился в мелкую пыль. И продолжает отражаться в каждом кусочке, пытается собраться воедино, но не может. Словно спруты и москиты на потолке высосали из него часть его души. К тому же, он начал ощущать себя трусом — ведь он фактически просто сбежал. Ему надо хоть еще один раз заглянуть в этот мир и попросить его навсегда покинуть его жизнь

Эту ночь он провел дома

Мир обнимал его неоновыми лучами, ласкал его желтыми пушистыми лапками, щедро угощал своими дарами. Над ним развернулось мармеладное небо гранатово-изумрудного цвета, по которому плыли сине-фиолетовые треугольные пучеглазые облака, он бродил по теплому снегу, политому шоколадом, из-под которого высывались кокосовые пальмы

— Я испугала или обидела тебя, — шептала Сюзи, — извини.. я ревнива, ты знаешь... я теперь буду ласковее с тобой.. все что ты хочешь.. только не уходи от меня... я подарю тебе столько счастья...

Он отдыхал на берегу бледно-зеленого озера шампуня среди туманов и гигантских орехов, над ним раскрывались фиолетово-розовые улитчатые цветы... мир превратился в его музу

— Нам же хорошо с тобою вместе, — шептала Сюзи, — нам никто больше не нужен. Ни Бэти, ни Кэти.. никто... я люблю тебя

— Сюзи, скажи мне... ты и вправду существуешь, или я сошел с ума?

— Подойди.. обними меня.. и почувствуешь ответ. Я существую, я живу и люблю. Кто тебе сказал, что должен существовать лишь один мир? Мой мир настолько же реален как и твой и в то же время настолько же иллюзорен. Ведь реальность — это череда иллюзий, ты знаешь... это калейдоскоп

— Кто сумасшедший — я? или все те, кто мне никогда не поверят

— Не поверят пока не увидят. Саймон, милый... надо начинать думать головой, а не общественным мнением

— Что это? Божественный дар, данный мне с какой-то мудрой целью... или наваждение, галлюцинация?

— А на этот вопрос ты себе сейчас сам ответишь. Ты меня любишь?

— Да

— Твоя любовь истинна или это наваждение?

— Это реальность

— Тогда иди сюда... я приоткрою тебе новые грани чародейства.

Рассеянность и временные проблемы с работой сменились вдумчивостью и новыми успехами. Мир стал его музой. Саймон понял, что теперь ему никуда не деться от мира на потолке, что теперь _ЭТО_ его так просто не отпустит. Значит, нужно учиться с этим жить. И Саймон научился. Точнее сказать, ему так показалось. Он начал работать со сосредоточенностью, целеустремленностью и полной поглощенностью, шеф снова стал отмечать его успехи. Только нездоровый цвет глаз его смущал. Саймон работал не хуже, даже может в чем-то лучше, чем раньше, только здоровый юношеский энтузиазм сменился поглощенностью, свойственной в некоторой мере помешанным. Шеф боялся, что началась новая, уже скрытая стадия его помешательства, при этом более опасная. Саймон больше не делал попыток уехать из дома, его нервозность и некоторая истеричность прекратилась. Но пучина все больше и больше его затягивала.

Однажды Саймон ехал в метро на работу — он с какого-то времени перестал садиться за руль, зная, что _ЭТО_ может нахлынуть волнообразно, и тогда он летит, теряя чувство скорости. Перед дверями он увидел колонну школьников с шариками. Дети веселились, громко болтали и кидали на землю фантики. Экскурсия.

Саймон продолжал думать о детях, задремывая под стук колес

Саймон приоткрыл глаза и увидел колонну из детей с огромными фиолетовыми глазами на пол лица, держащими в руках оранжевые шарики. В какую-то секунду дети выпустили из рук шарики, Саймон моргнул. В следующую секунду он увидел, как в небо на рыжих крыльях-волосах поднимались фиолетовые детские глаза, а вместо голов у детей росли оранжевые шарики...

Саймон раскрыл в ужасе глаза, резко нагнулся вперед, чем испугал сидящую напротив пассажирку. И в этот момент его словно окатило холодным душем. Он вспомнил предостережение «Не позволяйте этому миру слезать с потолка в вашу реальность...» Реальность стала настолько зыбкой, что Саймон порой задумывался — а что, если я каждое утро просыпаюсь в новой реальности, просто очень похожей на ту, что некогда оставил. Но в каждой есть какая-то деталь, которая отличает ее от той на йоту, всего один штрих..ведь я же чувствую, что что-то изменилось. А может, я сам изменился?

Он работал, не замечая ничего кроме своей работы, забыв про существование Билли, Трэйси, холода, жары, голода, вентилятора на полотке, который в то утро сломался. И в то утро понял — я работаю с таким упоением, потому что компьютерный мир — точно такая же иллюзия, как мой мир на потолке. Так чем же они отличаются? Почему то, что я делаю-реальность и мне за это платят деньги? Ответ напрашивался сам собой. Когда в иллюзию начинают верить несколько — она становится реальностью... Неподкрепленные ничем деньги, инфляция, биржевые игры — разве это не одна большая иллюзия?

Привычный мир раскалывался вдребезги

Каждое утро он возвращался в какое-то подобие реальности, которая была слеплена впопыхах специально для него. Саймон больше не искал чьего-то понимания, поскольку знал — как в случае с Кэти, это будет провальная затея.

Но сегодня, видимо Билли решил хорошенько за него взяться — после работы он выманил его в клуб, где упорно продолжал допытываться, что же с ним такое происходит. Под конец Саймон сдался

— Билли, я знаю, ты все равно не поверишь. Давай я лучше наспех сочиню какую-нибудь более-менее правдивую историю.

Поскольку то, что со мной происходит — просто невероятно. Такого не бывает

— Дружище, рассказывай все как есть. Я тебе поверю. И попытаюсь разобраться. Возможно, со стороны мне будет проще сообразить, что к чему

— Понимаешь... у меня дома на потолке поселился мир, — Саймон сделал паузу, наблюдая за реакцией Билли. Билли притих

— Мир? Это как так?

— Да... удивительный, красочный, яркий, бредовый.. нарисованный невидимыми чернилами. Если бы ты знал, какие там краски, какой он таинственный и чарующий, какой притягательный... как я в нем счастлив...

Билли сначала нахмурился, потом прищурившись поглядел Саймону в глаза

— Саймон, дружище... так я и думал, что ты ввязался в нечто подобное. По тебе сразу стало заметно... эта бледность, лихорадочная манера, смех, нервозность...

— Билли, ты ошибаешься

— Скажи-ка мне, пожалуйста, как давно ты этим увлекаешься, а?

— Билли! — почти вскрикнул Саймон, — ты не понимаешь! Это не галлюцинация. Этот мир действительно существует. Причем вижу его только я. Я до сих пор не могу разгадать его загадку. Но я точно знаю, я не пьян и я не псих. Просто это что-то неведомое, с чем человечество еще не сталкивалось

— А вот тут ты ошибаешься.. еще как сталкивалось.. поверь, у тебя достаточно единомышленников.. в специальных заведениях

— И ты мне не веришь...

— Верю.. слушай, старина, ответь-ка мне на вопрос? Вот чего тебе не хватало в реальности? Зачем, черт возьми, путешествовать в какие-то космические дали? Конечно, если пытаться выворачивать свой мир наизнанку- еще и не туда прикатишься и закончишь свою жизнь в психушке. Ведь у тебя же такое будущее, ты молод, талантлив... вот зачем ты сунул туда свой любопытный нос, чего тебе не хватало в жизни?

— Наверное, самой жизни...

— Романтика, розы, презы, солнце, любовь, лето, мир во всем мире... ну-ну, проходили... только что-то ты запоздал с этим, приятель. Ты думаешь — ты открыл что-то новое? А может, ты желаешь облагодетельствовать человечество своими новыми познаниями и открытиями? Может, ты вообще себя мессией возомнил? Да это же банально! Сотни оголтелых молодых людей толпами рвутся в эти миры... но ты-то.. ты-то что там забыл? Вспомни, сколько тебе лет — сейчас самое время строить будущее, а не увязать в космических пучинах. Будь реалистом — ты, конечно, влип... ну ничего, пора брать себя за волосы, как Мюнхгаузен и вытаскивать себя в реальность

— Я ее уже потерял. Бесповоротно... я и вправду наивно надеялся заглянуть за какую-то грань... только не предполагал, что за этой гранью возникнет тысяча новых граней.. как в калейдоскопе. Они перемешиваются и какая из них была твоей... теперь никогда не знаешь

Билли криво усмехнулся, схватил свою вилку и больно кольнул Саймона в руку

— Ай! -вскрикнул Саймон, — что ты делаешь, черт тебя подери?

— Почувствовал? Это и есть реальность! Понял, дурак? И то, что ты остался без ужина, и твои мешки под глазами, и сбежавшая Кэти — это тоже реальность. Только, видите ли, она тебе наскучила... юношеский максимализм так и лезет из всех щелей — мало ему пикников и пятницы с Кэти — ему другие миры подавай. Главное связаться — а там будь что будет! Путешественник, черт тебя дери...

— Да ведь я же сам не знал, — попытался оправдаться Саймон... — я просто хотел внести маленькое разнообразие.. что плохого в люминофорах? Разве я знал, что это выйдет _ТАК_ ошеломительно? Что это за одну ночь перевернет весь мой мир? Метания Саймона в душе все усиливались. Так кто же прав? Билли или Сюзи... он один, черт возьми, или весь мир? Но ведь случается, случается — что правы единицы? Ведь все равно находится кто-то один, кто первым идет по нехоженной тропе... они самые опасные — эти нехоженные тропы, гораздо легче идти по простой проторенной тропинке, а не блуждать по обочине. Но почему он, Саймон, должен искать простые пути?

— Стандартный ответ «но ведь я же не знал...», — передернул его Билли, — всем известно, что другие миры — путь к помешательству, но ведь ты же возомнил себя крутым... ты-то решил, что избежишь всех ловушек... пусть они все плохо кончают, но у меня-то все сложится по-другому, я вынесу из того мира на свет божий его красоты и всем докажу, что я прав... Ладно, теперь-то уж чего рассуждал.. не знал, окей. Но теперь-то ты знаешь. Так что исправляй, что натворил. Сколько же я навиделся таких, рассказывающих с лихорадочным взглядом о космосе... Все, что с тобой происходит — крайне банально, поверь мне. А вообще — тебе бы стоило показаться психоаналитику...

Саймон оборвал разговор и выскочил из кафе.

Он бежал по улице, Билли выскочил за ним, окликнул, но вскоре потерял из виду

Саймон летел не останавливаясь. Ему казалось, что тысячи ног, тысячи ночных теней преследуют его. Он летел, пока не остановился в изнеможении в переулке, затем наугад заскочил в какое-то кафе

Он не сумасшедший! Это действительно происходит. И он должен, обязан разгадать эту загадку, иначе он точно свихнется.

Сегодня он не вернется домой и не ляжет спать. Он попытается максимально долго не спать

Он что-то заказал и сидел за столиком в ночном кафе, наблюдая за посетителями, прислушиваясь к их разговорам. Больше всего он боялся задремать. Оно вылезло с потолка в его реальность, черт возьми! Нельзя его выпускать! Это же его мир, только его. Ведь художник не мог все это нарисовать.. ему бы не то, что дня — жизни не хватило нарисовать все то, что Саймон увидел на потолке.

Внезапно воздух задребезжал и заслоился, словно торт наполеон. Звуки начали доноситься словно из-под толщи воды, но при этом стали более контрастными. Освещение тоже начало то затухать, то вспыхивать с новой силой. Вокруг людей и предметов появлялось легкое свечение. Люди, их части тела словно начали появляться из воздуха и исчезать в воздухе. Из воздуха рядом с ним появилась рука с длинными красными ногтями, взяла стаканчик с его столика и снова исчезла в воздухе. Затем над ним возникли две пары азиатских глаз. Чуть позже, когда Саймон сообразил, что это были те самые сестры Ли, они уже исчезли.

И тут он почувствовал неумолимую жажду Цвета. Он стал цепляться за все цветное, что мог предоставить ему этот мир, но даже самые яркие краски вокруг казались исключительно блеклыми по сравнению с тем, что было _ТАМ_. Он смотрел на раскрашенных девушек — они казались ему безвкусными, прожекторы — тусклыми, воздух — тяжелым и давящим. Это была именно жажда Цвета, чувство, которое словно разрывало изнутри, он словно желал выскочить из себя и зацепиться взглядом хоть за что-то яркое. Он чувствовал дрожь в кончиках пальцев и странную необъяснимую боль в груди, он пытался вдохнуть, но воздуха словно не хватало, лоб покрылся испариной. Ему начало казаться, что на земле воздух кончается — наконец-то хищное солнце прожгло атмосферу.

Он в ужасе выскочил в ночь и помчался вдоль неоновых вывесок сам не зная куда. Он пытался зацепиться хоть за какой-то цвет, отчаивался, спотыкался и бежал дальше. Цвет — это было то единственное, ради чего он бы сейчас отдал полжизни Саймон чувствовал, что что-то, что было в нем, просилось наружу со страшной силой, но он не мог понять, что. Взгляд его зацепился за горящую неоновую вывеску «Клуб Утопия» и заскочил внутрь.

— Не видишь, приятель, клуб еще не открылся, — ответил человек из темноты, который разрисовывал стены люминисцентными красками

Он только приступил к работе, но Саймон видел, что у него выходило пресно, слишком пресно... не за что было зацепиться.. столько цветов под рукой.. но как же он не видит... от этого бирюзового Саймон замерзал, по щекам текли слезы. Оранжевый лихорадочно согревал своей бархатной львиной гривой, фиолетовый манил за собой в закатную лагуну. Саймон схватил баллончики, один за другим, и начал рисовать. Он никогда не пробовал, хотя в душе знал, что у него получится. Раз он не находил своих красок в окружающем мире, у него ничего не оставалось, как выплеснуть их из своей души.

Один за другим миражи из его снов появлялись на стенах, с каждым новым изображением ему становилось все легче. Да! Кто сказал, что из сна все возвращаются с пустыми руками? Что оттуда ничего нельзя вынести? Вот.. смотрите.. получается! Это же легко! С каждой секундой красочная отравка выходила из его души, он чувствовал, что те кусочки, на которые он

развалился, начинают собираться во что-то целостное, может, в нового себя.

На стенах вспыхивали пейзажи планет далекого Сириуса. Теперь он создавал миры

Человек из темноты в удивлении глядя на него, затем протянул длинное «да...» и сглотнул

— Парень, ну ты даешь! Ты, конечно, молодчина, но ты явно чокнутый. Твоя манера рисовать и меня застала врасплох, хотя я и не такого навидался. Ты тот парень, которого Джим грозился прислать мне? Ты бы предупредил.. я завтра утром не смогу тебе заплатить, придешь послезавтра

Саймон не слушал его... лишь закончив последнюю стену и потолок он почувствовал, что наконец-то его удалось освободиться от этого кошмара, мучавшего его уже не первый день. Он выдохся и упал на пол, вокруг него жил, переливаясь неоновыми цветами, только что созданный им мир... он лежал на полу и по щекам его текли слезы, напоминающие неоновые блески. Он был счастлив до глубины души, спокоен и безмятежен...

— Парень, проснись. Уже скоро обед! Ну поднимайся, шевелись. Давай же! Джим про тебя ничего не знает — откуда ты хоть свалился-то?

Саймон приоткрыл с трудом глаза, резко поднялся

В глазах потемнело, какое-то время он ничего не видел и не слышал, перед глазами поплыли яркие точки, он снова провалился вникуда

— На, держи салфетку, скорее же! — услышал он голос.

Затем увидел перед собой белую салфетку и следы крови на ней. Из носа шла кровь. Но с каждой секундой становилось все легче. Он поднялся, постанывая

Незнакомый человек протягивал ему какое-то лекарство и стакан воды

— Что это? Не буду я это пить! Вы все хотите меня отравить, да? — вскрикнул Саймон

— Дурак ты! Только что я сгонял в аптеку на углу. Пей, поможет. Аспирин

Саймон отказался от аспирина, ограничившись водой. Затем огляделся вокруг. Он находился в каком-то незнакомом помещении

— Где я? — спросил он слабым голосом

— В строящемся клубе «Утопия», если тебе это о чем-то говорит

Саймону это ни о чем не говорило

— Как я сюда попал

— Дружище, меня интересует ответ на этот же самый вопрос. Я надеялся получить ответ от тебя.. Ты ведь не от Джима, правда?

— Кто такой Джим?

— Вот-вот... я третий день жду его хваленного художника, под конец сам начал что-то ваять. А у тебя здорово выходит... только сразу видно, что ты.. ну, мягко говоря, чокнутый. Ну что за народ эти художники... Люди искусства, понимаешь. Ни в чем себе не отказывают. А потом стонут и мучаются в час утренней расплаты

Саймон поглядел ему в глаза

— Вы не так понимаете... я вообще не художник. Я сотрудник крупной компании. Просто у меня дома на потолке поселились другие миры

— Как же как же.. все понимаю. Ты думаешь, ты один такой?

Глаза Саймона блеснули. Он глянул на собеседника с надеждой

— Как?! Стало быть, и у вас тоже?

— О нет, помилуйте, я обычный менеджер... А вот у художников Джимми... думаю, у каждого второго. А у меня семья, дети... мне как-то не по статусу превращаться в прожигателя жизни...

— Ничего вы не понимаете! И вы тоже! Не способны! — вскрикнул Саймон и выскочил из клуба.

Весь день он бродил как лунатик и не вышел на работу. Он мучался вопросом: что это — бесценный дар или просто наваждение? Ему открылись врата в неведомое или же он просто сходит с ума по типичному сценарию? Кто прав? Он или весь окружающий мир?

Но был лишь один способ узнать... Еще раз заглянуть в неведомое

Сгустилась ночь, на его потолке, пропитанном водой и крахмалом, проступили шоколадно-кремовые караваны снов, за ним приплыла лодка солнца из черного золота

— Кто вы? — чуть слышно прошептал Саймон

— Время пришло, — по потолку из одного конца в другой прокатился тяжелый вздох, — он еще долго бродил по потолку эхом и послезвучием

— Что со мной происходит?

— Ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочешь это знать, Саймон? — раздался мягкий голос с потолка

На потолке сплетались змеями бамбуковые заросли, утопающем в соусе красно-оранжевых полосатых актиний и удушающих цветах амариллиса

— Хочу. Я хочу знать — кто вы такие — плод моего воображения, или же вы существуете на самом деле

— В каком-то смысле — это одно и то же

— Что это значит?

— Что мы существуем. Но ты создал нас такими, какие мы есть. Мы просто другая форма жизни

— Кто вы?

— Мы — паразиты. Вы люди, ищете другие формы жизни в космосе, на дне океана, ждете посещения инопланетян, выхода гиганстких мыслящих осьминогов... а мы здесь, рядом с вами.. мы всегда здесь были. Мы живем вокруг вас, в той среде, часть которой вы по неведению называете электромагнитным полем. Им обтянута вся планета. А мы всего лишь паразиты этой среды. Мы питаемся вашими мыслями, чувствами, идеями и на них растем как на дрожжах. Так мы захватим ваш мир. Мы переползем с ваших потолков в вашу реальность, мы будем смотреть на мир вашими глазами, слышать вашими ушами, чувствовать гамму ароматов через ваш нос... мы пришли вам на смену. И не надо этому сопротивляться — уже слишком поздно. Такова жизнь

Утром Саймон облил потолок бензином, затем поджог его. Затем заранее потушил из заготовленного огнетушителя. Он настоящий идиот — это же надо было сделать в первый день! И не важно — речь идет о спасении человечества от другой цивилизации или же о типичном помешательстве. Шеф лишь увидев его огромные черные мешки под глазами, сразу дал ему отпуск на несколько дней. За эти несколько дней Саймон обустроился в недорогом отеле и ему даже показалось, что он возвращается к нормальной жизни.

Он спал днем и ночью. Он был измучен и истощен. Произошедшее в конце выматало его. Но теперь он был свободен. Свободен! И не важно от чего — от паразитов или от игр разума. Неужели все позади?

Шли дни... Саймон отдохнул, на его щеках проявился румянец. Он выглядел не в пример лучше тому, что было раньше. И чувствовал себя намного лучше. Они вновь стали обмениваться шуточками с Билли и Треиси на работе, он помирился с Кэти и они снова стали ходить в кришнаитский ресторан, а в воскресенье он прогуливался в маленьком скверике. Тишь и благодать... неужели, он наконец-то вернулся после затянувшегося безумного путешествия в мир грез?

Как-то раз воскресным утром по пути в сквер он заглянул в библиотеку и начал бродить между книжными полками разглядывая переплеты книг

Сквозняк прошуршал листами старой газеты, пробежал по страницам раскрытой книги...

Внезапно Саймон почувствовал, как мир вокруг начал изменяться и раскачиваться. Чтобы не упасть, он сел на деревянный пол.

Казалось, книги на полках начали оживать, он слышал их вкрадчивый шепот. Каждая из них стремилась рассказать ему свою историю. Стеллажи с книгами становились гигантскими, они тянулись вверх, в темную высь на бесконечность и в какую-то секунду ему показалось, что это не стеллажи — а гигантские колонны древнеегипетского храма, давящие своим величием, напоминающие тебе, что ты — лишь песчинка по сравнению с вечностью, что все и вся это понимает, что это знает древний сфинкс, лежащий в позе предстояния перед НЕЙ, перед самой нерушимой и несуществующей Вечностью, что и стар и млад однажды подчинится ей. С лотосов чудовищных размеров на вершинах колонн сыпалась золотая пыль, она засыпала его с головой, ему казалось — вот-вот и он в ней утонет. Мимо тянулись люди, он видел их боковым зрением, но они казались ему искаженными каноническими египетскими фигурами с длинными острыми клювами. Разливается великий Нил... Еще немного, и сам Ра спустится за ним в лодке солнца и он сольется с Вечностью, станет песчинкой среди песчинок, станет всем и ничем... я это ты — ты это я... и все мы — одно

— Слишком поздно бежать, — доносится голос за кадром

— Но ведь я же сжог потолок, — взмолился Саймон, — оставьте же меня в покое! Я же уничтожил вас.. почему вы здесь

— Милый.. вспомни детские картинки-переводилки... помнишь? изображения на бумаге, пропитанные специальным клеем.

Стоит их подержать в воде или нагреть — они отходят от бумаги. Ты ведь когда-то такими заклеил весь шкаф. Так вот — мы уже давно отошли от твоего потолка, он нам больше ни к чему. Теперь мы можем в любое время тебя настичь. Мы дали тебе небольшой отдых? Ты отдохнул? Теперь время поработать. И поверь.. мы щедро платим. Ты получишь безграничное наслаждение в наших красочных объятиях

— Что вы от меня хотите, — простонал Саймон

— Сейчас ты пойдешь и купишь крахмал и несколько баллончиков, затем разведешь его в воде, затем... мы тебе скажем, что надо делать... вспомни парнишку Джуда... теперь ты понимаешь, чем ты будешь заниматься... Тебе придется покататься по другим городам, где тебя никто не знает.. мы не дадим погибнуть тебе с голоду... твои 120 зеленых ты непременно получишь. Саймон, милый... это лучшее, что могло случиться в твоей жизни...

Книжные полки вновь становились книжными полками, только на этот раз ему показалось, что книги шатаются и вот-вот вывалятся на него.. и вокруг него были полки, полки, полки с новыми и архаичными книгами, тонкий папирус, свитки, чернила, и все начало дрожать на полках и вываливаться прямо на него. То были книги его воспоминаний, он тонул в них, он окунался в каждую из них и вспоминал в подробнейших деталях все, что происходило с ним с самого детства, проживал за доли секунды всю свою жизнь, несясь с бешеной скоростью несясь в колодец из кружащихся разбросанных книг... еще немного, и ему казалось, что он не выдержит столько информации за раз, ранее уложенной на дальних полочках... это было невыносимо

Лиззи, преуспевающая молодая девушка, шла по улице, улыбаясь в тусклое зимнее утро. На проводах лежал иней. Внезапно ее взгляд приковала табличка «Мир на потолке». Несколько секунд она постояла под ней в раздумии, затем зашла внутрь.

Внутри ничего не было, кроме молодого человека примерно ее возраста с запутанными длинными волосами, потертой куртке, джинсах и сандалиях, который рисовал прозрачными чернилами по белому листу. Он был полностью поглощен своей работой и даже не заметил, как она вошла

Рядом стояли несколько баллончиков с прозрачной жидкостью, на каждом из которых было написано название какого-то цвета

— Вы рисуете флуоресцентными чернилами, верно, — спросила Лиззи?

— В каком-то смысле, да, — ответил молодой человек

— Здорово. А дорого? Вы можете разукрасить мой потолок тоже?

— Могу. Всего за 120 зеленых. Захотите заплатить больше — заплатите, если понравится результат

— Думаю, это то, что мне нужно, — улыбнулась Лиззи. На ее щеке проступили симпатичные ямочки

— Вы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО в этом уверены? — парень поднял на нее глаза и изучающе поглядел на нее

— Ну да, — замялась Лиззи, — а что в этом такого?

— Ничего, — его глаза больше ничего не выражали

— Когда начнете?

— Хоть сейчас

— Пошли. Кстати, как вас зовут?

— Саймон.

Меня зовут Сюзи. Да-да, наконец-то хоть кто-то додумался дать мне имя!

Сию на берегу оранжевой реки и рассчесываю мои роскошные кудри. Разве я не совершенство? Не очарование?

Я химера. Я могу осчастливить, могу украсть чужое счастье. Я смотрю на них с потолка и понимаю — они в моей власти.

Позову — придут, поманю — попадутся. Могу исцелить, могу довести до безумия

Там, внизу, дремлет темноволосая девочка и я ей снюсь. Как же я завидую этим сумасшедшим людям, которые так не ценят свою жизнь! Больше всего на свете желаю видеть, слышать, чувствовать... как бы я хотела съесть эту дольку апельсина, которую она беззаботно положила себе в рот... так, между прочим... как бы я хотела пробежаться по влажной утренней траве в венке из цветов! Почему же они ничего не ценят? Не ценят ощущения, которые им даны? Безумцы! Ну ничего.. скоро я этого добьюсь. Хватит уже быть призраком, живущим в чужих головах! Спи, Лиззи, спи... я для тебя сотку удивительные сети снов... я подарю тебе дивный мир... а потом полностью поглосю тебя. Буду слышать твоими ушами и видеть твоими глазами. Пришло и наше время! Мы можем все. И мы знаем в отличие от вас, что мы хотим. Мы пришли к вам на смену. Простите нас... это неизбежно. Мы же вас не уничтожим — мы предлагаем неплохой обмен? Разве не так? Все, что вам нужно — беззаботно дремать в иллюзиях. А мы хотим жить. Жить! Каждый из нас получит то, чего не имел раньше. Ведь все мы не ценим того, что имеем. Может, однажды мы все позабудем и поменяемся наоборот.. может, мы постоянно меняемся... но это уже неважно. Итак, Лиззи... мне очень жаль. Спи спокойно. Ву а ля!

На утро Лиззи проснулась со странным чувством, что она — уже не она, или она, но не в полной мере. Она встала, умылась и села поработать

— Лиззи, посмотри какое заманчивое утреннее солнышко. Разве ты не хочешь побродить под ним, поглядеть на искрящийся снег, сияющий как тысяча бриллиантов?

Лиззи оделась и выскочила на морозный воздух. Она выскочила в заснеженную рощу, смеясь, хохоча как тысяча чертей, упала на снег, купаясь в огненных бриллиантах при свете далекого зимнего солнца

— Лиззи! Я чувствую это вместе с тобой! Я проживаю это! Лиззи, слышишь, я чувствую холод, я чувствую снег кончиками твоих пальцев! Я жива, как и ты, Лиззи. Пробежись, я хочу чувствовать зимний воздух!

— Мама миа, я с ума схожу, — прошептала Лиззи

— Побежали, Лиззи, почувствуй, как захватывает эта зимняя волна! Мы вместе почувствуем. Побежали! Слышишь? Вот так.. отлично! Вот это да! Непередаваемо. Мы почти летим! Ты когда последний раз позволяла себе такое искреннее удовольствие?

— В детстве

— Будь ребенком! Будь гибкой! Не бойся — не отказывай себе в жизни

Радостная, краснощекая, Лиззи вернулась домой

— Искупайся и надень лучшее платье. Мы идем на танцы

— Но я не хочу на танцы. У меня дела

— Вот еще! Дела! Ха ха ха! Сегодня мы будем танцевать.. сегодня наш день. Первый день моей жизни

— Похоже, мне пора обратиться к психиатру

— Вот еще надумала! Давай-ка выбирай платье. Нет, ну что ты. В этом ты похожа на сестру милосердия. А это с детского утренника. Бери вон то

— Так это моей сестры

— Ну да и черт с ним. Подумаешь. Бери, тебе говорят. А теперь погляди-ка на себя. Изменилась до неузнаваемости. Теперь еще несколько штришков... У нас с тобой на сегодня есть задача. Надо разыскать Саймона. Да-да, того самого. Где буду искать? Поверь, у нас с ним давняя история, я его очень хорошо знаю. Я знаю, где он будет. Как думаешь, он будет приятно удивлен, встретив меня реальную?

— Что же, черт возьми, со мной происходит?

— Не догадываешься?

— Нет

— Лиззи, мы меняемся местами. Ты уходишь мир дремы и фантазмагории. Я становлюсь тобой. А теперь прощай, моя дорогая. Мне очень жаль. Но должен остаться кто-то один. Лиззи, пойми, это плата за неосторожное любопытство. Ведь ты открыла пандору.

Саймон вытер пот со лба и откинул в сторону закончившийся цветной баллончик. Последняя неоновая медуза дорисована. Сегодня в клуб придут первые посетители.. летающие тарелки, инопланетный колорит.. и все пронзительно.. может, хоть так они услышат его, Саймона, услышат его крик, предостережение — бегите. Ведь это — бездна. Кто в нее заглянет — в того заглянет и она. И тот уже никогда не вернется собой

Потихоньку клуб- аля-лунную станцию начали заполнять первые посетители, по их лицам пробежали татуировки теней в тусклом флуоресцентном свете.

Саймон прислонился к стене, сел на прозрачную круглую табуретку с пружинистой ножкой и выдохнул. Луна... вот она, здесь. Он перенес ее на землю. Это была его мечта. Боже мой, что же он творит! Днем он разрисовывает чужие потолки — словно жрец таинственного культа, заманивает в ловушку все новых адептов. И ничего не желает кроме цвета, который словно нитями грибницы проник во всю его сущность.

У него есть билет на луну... его рейс стартует сегодня, уже скоро. Минуты текут сквозь пальцы, он лишь ждет, что он может сделать? Что еще остается сказать? Есть только один путь. И это билет в один конец... билет на луну.

Они, те, кто в зале, начинают танцевать под гипнотическую музыку, они не задумываются, почему на них так глядит этот зеленающий шива-гуманоид с агатово-черными глазами, они еще не чувствуют в воздухе лунную пыль и спускающийся с небес звездный газ

— Саймон, — доносится бархатный голос из темноты

Саймон поворачивается и видит хозяйку этого голоса

— Ну здравствуй, Саймон. Вот мы и встретились

Этот взгляд.. мягкий, манящий и вместе с тем пронзительный... и эта девушка. На миг Саймону показалось, что он видел девушку и взгляд где-то по отдельности

— Я ведь вас уже видел, не так ли? — замялся Саймон

— Конечно, видел, мон шер. Вспоминай!

Саймон прищурился, увидев знакомую ямочку на лице

— Я вам создавал мир на потолке.. несколько дней назад.. так ведь? Лиззи.. вас так звали?

Девушка подошла еще ближе и обвила руками его шею, заглянув своими большими глазами ему прямо в душу

— А сейчас?

— Это невозможно... это.. ты? Но...

— Да. Назови мое имя

— Сюзи... Сюзи с сырной планеты

— Рад нашей встрече?

— Безумно

— Видишь. Я сдержала слово. Вот мы и вместе...

С этими словами она хищно вцепилась в его волосы и поцеловала его в губы так, словно желала выпить из него всю его душу В какой-то миг они стали единым

— Я это ты, ты это я. И так будет всегда

Ее губы в неоновом свете казались фиолетовыми, он поманил ее к себе, чтобы еще раз пережить эту секунду единения.. он целовал ее и чувствовал, что растворяется в ней, он хотел продолжать, но в какую-то секунду в ужасе отшатнулся... мир снова начал колебаться. Воздух стал густой аморфной субстанцией, в которой появлялись пузыри. Вокруг танцевали лунатики как при замедленной съемке, но мир не таял. Мир продолжал существовать. Таял он, Саймон. Таял и потихоньку исчезал

— Что со мной происходит? Что ты со мной сделала? Мне кажется, я исчезаю...

Он смотрел на свои руки, ему казалось, что пальцы вытягиваются и становятся прозрачными

— Я тебя отравила. Как паучиха. Ты когда-нибудь слышал о наружном переваривании? Да-да, именно так. Когда муха

попадает в ловушку, паук впрыскивает в нее яд и ждет, пока она переварится, после чего он сможет ее съесть

— Но за что?! Что со мной будет

— Не бойся... теперь мы с тобой всегда будем вместе

Саймон неумолимо продолжал исчезать, становясь лишь тенью, в то время, как мир вокруг продолжал существовать и жить своим чередом. Яд растворял его, словно смесь концентрированной серной и азотной кислоты, он исчезал, становясь лишь призраком в галерее призраков, чьей-то идеей, не более чем. Пока в какой-то момент не исчез полностью. Ощущение убийственное — понимать, что мир вокруг продолжает жить, только тебя в нем больше нет

Тогда фиолетовые губы неестественно широко распахнулись, почти в весь ее рост, за ними виднелась вереница острых зубов. Из черной глубины хищной пасти высунулась еще пара распахнутых фиолетовых губ, из них еще и еще и вся эта вереница ртов начала засасывать его, нежно и неизбежно, в черную бездну

Так Саймон стал иллюзией

— Черт возьми, не мог же он просто исчезнуть! — в истерике вопила Кэти

— Такие как он все могут, — ответил Билли, успокаивая ее и прижимая к себе

— Невероятно! Сначала сжог свою квартиру, потом сбежал из города. Бесследно. Полиция его так и не нашла. Он чокнутый! А я любила его. Я не могу его больше ждать

— Моя дорогая.. тебе нужен надежный человек... даже если Саймон вернется — это уже не тот Саймон, которого мы с тобой знали когда-то. Его сумасшествие полностью изменило его

— Да, Билли, — прошептала Кэти, прижавшись к нему

Билли испытывал к Кэти теплые чувства еще со школьной скамьи. За всю его жизнь она была единственной женщиной, которую он любил, хотя всегда маскировал это очень тщательно. Он уже почти было завоевал ее расположение, как на пути появился этот выскочка — Саймон. Да и впридачу начал семимильными шагами продвигаться по карьерной лестнице и опередил Билли, который буквально своим потом и кровью выстрадал свое место и грезил о месте начальника. Но и тогда Билли не сдался.

— Возможно то, что случилось, для нас для всех — лучший выход

— Билли, как ты можешь так говорить?

— Понимаешь, милая, неизвестно, сколько бы он еще продолжил тебя мучать своими бреднями и мирами на потолке. Он и тебя бы свел с ума

— И все-таки, где же он сейчас? Почему его не нашли?

— Не беспокойся. Думаю, ему там хорошо.

— Тебе известно, где он?

— Думаю да

— Где же?

— Он ушел в свой мир иллюзий. В тот самый мир на потолке, который он создал. Он пытался его сжечь — но и это его не спасло. Творение вышло из-под контроля и поглотило творца, втянуло в себя

— Боже мой...

— Игры разума... страшная вещь

— И все же, почему он сошел с ума?

— Мало ли почему кто сходит с ума. Этому может быть тысяча причин

— Он в последнее время ходил как зомби

— Может, он и был зомби? — Билли ухмыльнулся, — Шаманы Гаити в свое время неплохо преуспели в том, как получить власть над человеческой психикой... думаешь, после них никто не занимался этим вопросом? Только более осторожно, более деликатно... Представляешь, какой спектр возможностей управления открывается тем, кто может подчинять себе чужой разум? Мир у его ног

Кэти грустно улыбнулась

— Хотя бы ненадолго загипнотизировать моего шефа, чтобы он повысил мне зарплату. А потом можно разгипнотизировать обратно, — сказала девушка

— А что — идея...

— Да.. выселить соседей, убрать конкурента..

— Конкурента? — Билли нахмурился, — Кэти, какого конкурента?

— Да нет, нет у меня конкурентов... какие конкуренты в моей области, что ты! Это я так болтаю... А ты о чем подумал?

— Да так... просто мысли вслух

В голове Кэти мелькнула тревожная мысль, но в следующую секунду она забыла, о чем они говорили, она слишком устала от переживаний. Вскоре Кэти безмятежно дремала в объятиях Билли.